

ТАТЬЯНА МИХАЕВИЧ

Ciao, Plumarella!

*ДНЕВНИК ЭМИГРАНТКИ,
ИЛИ ЖИЗНЬ В ДРУГОМ ИЗМЕРЕНИИ*

16+

Татьяна Михеевич

**Ciao, Plumatella! Дневник
эмигрантки, или Жизнь
в другом измерении**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Михаевич Т. В.

Ciao, Plumatella! Дневник эмигрантки, или Жизнь в другом измерении / Т. В. Михаевич — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Автор размышляет о двух системах, социализме и капитализме, о добре и зле, о мечтах и реальной жизни, о сложных семейных отношениях, о сталинизме, о Чернобыле... Основной нитью книги, однако, является Экология, Ла Гранде Беллеца, Наша Планета, от рассказов о 1й Антарктической экспедиции, от экспедиционных историй, в которых участвовала автор и ее коллеги, до рассказов итальянского космонавта Паоло Несполи о том, какой видится наша земля с высоты ISS (International Space Station), о Космическом Глазе, программе Copernicus, которая помогает Экологии нашей Планеты.

© Михаевич Т. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

1. Эпистолярный роман	6
8 июня 1996	7
Последняя экспедиция по реке Свислочь, 1996	11
Отъезд	13
Итальянский стиль	15
Школа	16
Курс итальянского	18
Свадьба	19
2. Реставрация Органа	20
15 сентября 2012	21
1-я Пуническая война. Руководство по уничтожению	23
Признание дипломов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Книга-эссе это резюме статей, опубликованных на сайте www.plumatella.it.

Посвящается профессии Биолога, а также моему отцу Василию, матери Марии, мужу Вальтеру, сыну Артему

Благосостояние или бедность зависят от судьбы, в то время как добро и зло являются выбором человека.

Ямамото Тсунемото, японский самурай

1. Эпистолярный роман

8 июня 1996 – Последняя экспедиция по реке Свислочь, 1996 –
Отъезд – Итальянский стиль – Школа – Курс итальянского – Свадьба

8 июня 1996

Стояло дождливое лето **1963 года**. **Федерико**, мужчина средних лет, вышел из дома. День выдался скверным, к тому же долина, где он жил, окружена горами и очень узка, так что солнечный день был коротким...

Но в этот день еще и шел дождь, ничего нельзя было сделать против природы... Вдруг что-то цветное привлекло его внимание – это был **шарик**, принесенный ветром в его маленький дворик. Обычный шарик, с которыми играют маленькие дети, выпуская их в небо и наблюдая, куда понесет ветер. Федерико взял в руки шарик. Такой дождливый день навевает грустные, даже ностальгические мысли... Он думал о том, кто мог запустить этот цветной шарик во время дождя. Его дети были в доме. Старшая дочь уже замужем, но детей еще не имела.

Вдруг он заметил внутри шарика что-то белое, возможно, **кусочек бумаги**... Чтобы достать его, необходимо лопнуть шарик. Ну вот, наконец! Это был маленький, скрученный в трубочку кусочек бумаги. Развернув его, увидел, что это **письмецо**, написанное, безусловно, ребенком. В нем была описана семья, которая проживала в 100 км от его долины: **двое мальчиков**, 6 и 8 лет, предлагали дружить с тем, кто прочтет их послание.

Федерико был странным мужчиной, демократичным и свободомыслящим, так говорили. Во дворе шел сильный дождь, поэтому оставаться на улице не имело смысла. Войдя в дом, он позвал супругу, **Едвидже**, и детей, которые, ну и судьба, были приблизительно того же возраста, что и эти двое мальчиков, и показал им письмо. Все дружно написали письмо в ответ, пригласив ребят к себе на летние каникулы. Так началась **дружба** между двумя семьями, одна из **Новедрате**, другая из **Санта Кроче из Долины Валькьявенна**, которая длится уже почти **50 лет**.

Годом позже, **13 мая 1964 года**, отец мальчиков из **Новедрате** был сбит мотоциклистом в дорожной аварии, возвращаясь домой с рыбалки, и умер от потери крови в больнице через 10 часов, не приходя в сознание. Его супруга осталась одна с двумя детьми 7 и 9 лет, без работы. Так дружба между двумя семьями переросла в естественную человеческую помощь людям, оказавшимся в сложной ситуации.

Ребята проводили лето в деревушке Санта Кроче среди природы, ловили рыбу, играя со сверстниками. Мне довелось познакомиться с Федерико в 2001 году перед его смертью. Он был старым, в инвалидном кресле. Но его черные глаза смотрели так, как может смотреть только сильный духом человек. Иногда мы навещали его супругу Едвидже, их детей и многочисленных племянников. Она тоже состарилась, силы оставляют ее, добавляя разные болезни. Но у нее тот же взгляд: сильного духом и большого сердца человека. Так я открыла для себя эту Долину и свободолюбивых людей, готовых прийти на помощь тем, кто оказался в беде.

8 июня 2012. Почему-то летом организм начинает бастовать и отказывается работать. Ему хочется моря, природы, покоя, цветов, любви... Вполне человеческие желания. Накопившаяся за полгода работы без отдыха усталость вынудила нас на отдых. Взяв полдня выходного в пятницу, мы сорвались на удлинённый выходной 22–24 июня в Тоскану. Кризис бил по всему миру, поэтому мы использовали накопившиеся талоны супермаркета Беннет: 2 бесплатные ночи в V&V, нужно только добраться до места, а это полная заправка дизелем туда 500 км и обратно. Выбор был случайным – то, что осталось в наличии. Но, вероятно, ничто не происходит просто так – выбор пал на места, в которых мы уже побывали 16 лет тому назад...

Тоскана... Самобытные пейзажи с одинокими или выстроенными в ряд группами кипарисов, просторные поля пшеницы, золотые поля подсолнухов украшают самые известные туристические каталоги, завлекая на отдых. Туристы из густонаселенного севера Италии, где осталось так мало мест с первозданной красотой (если только не в парках), где идут в наступление зацементированная земля и плотная сеть автодорог, с удовольствием наслаждались просто-

рами, напоминая любящих фотографировать японцев. Практически около всех неопиcуемых тосканских пейзажей мы видели припаркованные машины, возле которых то любители, то профессиональные фотографы снимали бесконечные пейзажи.

Мы радовались, как дети, этим коротким каникулам и замечали все вокруг. Дорога была длинной, около 5 часов, и мы с мужем болтали ни о чем, пока не доехали до местечка под названием Тавернелле. И тут вспомнилось наше первое совместное путешествие по Тоскане. Надо же было такому случиться... 16 лет спустя... И мы стали вслух слагать рассказ о том, как познакомились.

8 июня 1996. Почтальон принес почту – письмо на мое имя. Обратный адрес итальянский. Открываю конверт. Моложавый человек сидит в гамаке и держит в руках небесное облачное создание – белую кошку. Молодого человека зовут Вальтер. Белое создание – Моргана. Я отвечаю. Так завязалась наша эпистолярная переписка.

Затем мы обменялись телефонами, и каждое утро я ожидала звонок – Вальтер приезжал на работу рано и звонил мне. Мы начали общаться по телефону. Это значительно улучшило мой французский язык. Мы болтали практически ежедневно, потом я уходила на работу. Однажды мы так заболтались, что вода из ванны затопила квартиру...

2 декабря 1996. Чартерный рейс приземлился в Вероне. На паспортно-визовом пункте меня хорошо допросили – кто, куда и зачем. Выхожу в зал прибывающих. Первое, что бросается в глаза – огромный букет роз высотой в человеческий рост.

Кругом ожидали встречающие, а букет стоял сам по себе. Вдруг из-за него появляется мужская фигура и выясняется, что это Вальтер. После бурных восклицаний и дружеского поцелуя в щеку, мы садимся в старенький Фольксваген и едем к озеру Гарда – недалеко от аэропорта. По профессии я гидробиолог, поэтому озеро стало моим первым визитом в Италии.

Затем отправляемся в Милан, где живет Вальтер. Дорога занимает несколько часов, и мы начинаем «знакомиться» воочию. Я выкладываю все свое знание французского. Вальтер тоже. Когда не хватает словаря, мы, как индейцы, объясняем знаками. Меня, как биолога, интересует местная растительность, которая значительно отличается от средней полосы, и на вопрос: «Что это за дерево?», слышу: «Pino» (сосна). Когда после повторных вопросов слышу тот же ответ «Pino», понимаю, что бесполезно компьютерному технику задавать биологические вопросы.

Вот мы и в Милане. После многочисленных попыток найти паркинг, наконец ставим машину в свободный угол. Оказывается, что Вальтер живет на улице, названной в честь известного итальянского художника Раффаэлло Санцио, и это мне нравится.

Большой 8-ми этажный дом. Нас встречает портье, Вальтер знакомит нас. Затем на лифте поднимаемся на 8-й этаж – это мансарда. Там живет Вальтер. Входим в комнату. Она очень маленькая, метров 8 – кровать, ТВ, кухонный угол. И тут к нам подходит пушистый, изумительный белый комочек – кошка Моргана. Я ощущаю, что она ревнует ко мне хозяина. На следующий день в Милане был праздник «Obeu obeu» и мы целый день прослонились по городу и между торговыми лавками, иногда попивая горячий глинтвейн для согревания, с трудом к вечеру доползая до мансарды.

На дворе стоял декабрь, предрождественское время, и Вальтер взял отпуск. Мы поехали в пригород, где проживали его родители и семья брата. Это небольшая деревушка под названием **Новедрате**, в которой проживало около 3 000 жителей. Большой 2-х этажный особняк располагался на улице Кеннеди и это мне понравилось. Чем-то демократическим веяло от ассоциации названия улицы с великим именем.

Меня представили. Отец и мать – пенсионеры. Брат старше Вальтера на 2 года, у него три дочери – 5, 10 и 14 лет. Я подумала, что это хороший возрастной разрыв для изучения итальянского языка на 3-х уровнях – от детского сада до школы. Все были очень милы и любезны. Мы погостили один день.

На следующий день мы уезжали на 2 недели – в Тоскану и Умбрию. Прошло всего несколько дней, как мы реально познакомились. Чувствовалось, что мы оба хотели бы углубить наше знакомство. Мы изучали друг друга, не забегая вперед и не задавая много вопросов. Никто из нас не знал, как закончится наше знакомство и закончится ли. Но я твердо знала, что могла рассчитывать только на себя.

8 июня 1996 года, распечатав письмо незнакомого человека из Италии, я не могла знать, что потеряю все: любимую профессию гидробиолога, степень кандидата наук, квартиру в Минске, дачу, родителей и, в конце концов, свое доброе имя.

Языковой барьер был очень высок и казался трудно преодолимым. У меня уже был учебник итальянского языка. Я завела тетрадку, в которую вписывала новые слова.

5 часов в машине – и мы в Тоскане. Первую неделю мы проживали в Тавернелле, откуда выезжали в разные города на экскурсии. Целыми днями мы наслаждались искусством, красотами Италии, музеями, ограничиваясь бутербродами для поддержания сил, а вечером надолго оседали в какой-нибудь таверне и отъедались за день. Итальянское вино меня восхитило сразу. За 2 недели путешествия нам удалось выпить 14 бутылок красного вина и мы до сих этим гордимся.

Декабрьская Тоскана радовала своими пейзажами – оливковые рощи и кипарисовые аллеи преобладали, как на Южном Берегу Крыма, где прошло мое детство. Бескрайние тосканские просторы напоминали белорусскую холмистую местность в районе Логойска или Городища, где у нас была дача: с такого холма весь горизонт расстилается перед глазами и чувствуешь себя при этом изумительном виде властелином земли.

История и культура здесь были совсем другими и это меня привлекало. С жадностью я впитывала новые впечатления – Флоренция с ее великолепными художественными музеями, Сиена с неповторимой небольшого размера вогнутой площадью, на которой 2 раза в год проводится Палио на лошадях, старинный город Орвието, стоящий на каменной глыбе, Вольтерра – родина великого Вольтера, Губбио, где сохранились останки римского театра 6 века н. э., Гуальдо-Тадино...

Я мало знала о жизни Вальтера, как и он обо мне. Мы начали задавать друг другу личные вопросы. Я узнала, что он был женат, но они уже 3 года не проживают вместе, хотя еще не разведены. Детей у них нет. Так я узнала, что в Италии развод получают после 3-х лет сепарации (отдельного проживания). Я узнала, что Вальтер снимает мансарду в Милане по очень высокой цене, хотя по документам ему принадлежит 2-й этаж дома совместно с родителями, за который тоже платит он. Я поинтересовалась, какая у него была зарплата, чтобы оплачивать все это, – оказалось, она была обычной по итальянским меркам для компьютерного техника, офисного работника. Мне припомнились опасные западные привычки жить в кредит, которые часто возвращались бумерангом. Одним словом, я поняла, что материальное положение у Вальтера скромное и была ему безмерно благодарна за широкий жест – приглашение на 2-х недельное путешествие по Тоскане. Тогда же я узнала, что Вальтер был одним из тех маленьких детей, у которых в аварии был насмерть сбит отец.

Мы наслаждались природой, изумительной итальянской едой, красным вином и общались, общались, общались... Меня все больше покоряла нежная душа Вальтера. Отпуск пролетел быстро, и мы вернулись из Тосканы и Умбрии в Милан.

Рождество 1996 года встретили в деревушке Новедрате в кругу его родителей и семьи брата. Я испекла мой любимый торт «Наполеон». Рождество в Италии отмечается днем 25 декабря. Накануне вечером под елку складываются подарки. Мы тоже положили наши, предназначенные для родителей и семьи брата, привезенные из путешествия по Тоскане и Умбрии. С самого утра 25 декабря под елку начинался поход – в куче запакованных коробок каждый искал свой подарок. Мы с Вальтером тоже нашли подарки. Потом был обед. Языковой барьер был высоким, и я чувствовала себя «Эллочкой-людоедкой» из Ильфа и Петрова. Мы обмени-

вались фразами по-французски. Иногда Вальтер переводил с итальянского. Когда обед дошел до торта, его брат сказал, что это «калорийная бомба». Так я узнала, что в Италии не употребляют много сливочного масла и в дальнейшем рецепт торта был изменен, а количество масла уменьшено.

Потом неожиданно выпал снег. Новый 1997-й год мы тоже встречали в Новедрате. Девочки так радовались этому редкому гостю, снегу! Для меня снег был привычным, а для них – большой редкостью. Брат пошутил, что это я привезла снег. Его выпало много по итальянским меркам, около полуметра. Я организовала детей на катание снежных баб. Они были в русском стиле – 3 огромных шара, самый большой – нижний, самый маленький был с морковью вместо носа. Девочки скатали небольшие снежные бабы и объяснили, что они во французском стиле, с треугольным телом. Мы долго резвились и наделали много фото. Одна из них стоит у меня на полке – я, Вальтер, посреди – огромная русская снежная баба с красным зонтом, в ногах сидят три девочки, 5-ти, 10-ти и 14-ти лет.

Мне пора было уезжать. Была середина января и скоро мне нужно было выходить на работу после длительного отпуска. Я поблагодарила Вальтера и отказалась от другой поездки, которую он задумал.

Мы попрощались с его родственниками в Новедрате и переехали в Милан. Вальтер был грустен из-за моего отъезда. Перед отъездом я сочла необходимым сообщить Вальтеру, что в Минске меня ждет 10-летний сын, который родился за 3 недели до Чернобыльской аварии. Рассказала о родителях. Моя мать 40 лет проработала главным редактором редакции для детей и юношества на Белорусском Государственном Телевидении и Радио, а отец был историком. Мой рассказ не изменил намерений Вальтера, и мы договорились встретиться на нейтральной территории весной 1997 года. Выбор пал на Прагу, куда я могла приехать из Минска на поезде, а он на машине. Я улетела в Минск рейсом из Вероны.

Последняя экспедиция по реке Свислочь, 1996

В Академии Наук, где я работала научным сотрудником, готовила переаттестацию на старшего научного сотрудника и вела свою научную тему, времена были «на выживание», начиная с 1986 года. После разгрома советской системы научные сотрудники пытались, чтобы выжить, подрабатывать, руководство закрывало на это глаза. Ездили в Польшу на рынок продавать белорусские товары. Мы шутили. Но времена были подобны войне.

В 1996 году коллеги пригласили меня в водную экспедицию по реке Свислочь под эгидой получения гранта по исследованию накопления тяжелых металлов в водных беспозвоночных, млекопитающих и рыбах.

Река Свислочь пересекает столицу, город Минск, впадает в Березину, которая, в свою очередь, впадает в Днепр и затем в Черное море. Для мониторинга тяжелых металлов **никель-хром-свинец-цинк-медь-олово-титан** были выбраны 3 полигона от **Станции очистки сточных вод города Минска** до **90 км** после Станции очистки.

Свислочь является достаточно эвтрофицированной рекой, в которую сбрасывались сточные воды. Контролем были воды и донные осадки, забранные из Березины на территории **Березинского Биосферного Заповедника**.

Группа была сформирована из ихтиолога, маммолога (специалиста по млекопитающим, в частности, бобрам), гидролога из **Института Водных Ресурсов Беларуси (ЦНИИКИВР)** и меня, специалиста по мшанкам. Мы выехали от Станции очистки сточных вод на 3-х байдарках, с оборудованием для взятия проб, палатками и продуктами на неделю. Экспедиция была неформальной, финансирование еще не было получено и исследователи взяли с собой детей. Сыну ихтиолога было 15 лет, моему сыну и дочери маммолога Вадима по 10.

Наша компания походила на героев книги **Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки»**. Была и собака. Это был великолепный экземпляр таксы. Она громко лаяла и, похоже, считала себя Капитаном, а Вадима своим помощником. Вадим был на веслах, Наташа, его дочь, усаживалась сзади байдарки, а такса стояла впереди и, казалось, указывала путь.

Целью работы было взятие проб планктона, водных животных, рыб, бобров и мшанок. Найти мшанок в зеленой эвтрофицированной воде реки Свислочь не составляло труда – многие затонувшие части деревьев были покрыты колониями. Река извивалась зигзагом. После Минска территория была малонаселенной и наши байдарки часто вспугивали стаи птиц, что завершалось мощным лаем таксы. К вечеру мы находили сухое место на высоком берегу, ставили палатки, готовили ужин, кто-то ловил рыбу, дети играли вместе с таксой, прыгая на стог сухого сена. Утром мы продолжали нашу одиссею. Так мы прошли вниз по реке около 200 км, вплоть до впадения Свислочи в Березину. Затем передали собранные образцы в **ЦНИИКИВР** на определение тяжелых металлов.

Обросты мшанок и другой материал в разных точках полигона собраны, сделаны анализы по содержанию тяжелых металлов. Тот факт, что мшанки являлись мощным накопителем тяжелых металлов не был новостью в литературе, но, исходя из нашей работы, выявлялась тенденция к сокращению накопления вредных веществ с удалением от источника загрязнения – Минской очистной станции. Весной 1997 года пришло небольшое финансирование гранта на 2 года и мы начали готовить экономическое обоснование. Финансирование не было значительным, но помогало повысить наши зарплаты в 100 долларов.

Это была моя последняя научная экспедиция в Беларуси.

Между тем мы с Вальтером продолжали переписку. Почти ежедневно перед работой я заходила на почтовое отделение и забирала факс от него. Мы договорились встретиться в Праге в апреле 1997 года. В Институте был взят недельный отпуск, вечером я села на поезд и утром

была в Праге. Вальтер встречал меня на вокзале. Погода была еще прохладной и мы, хорошо укутанные, целыми днями бродили по городу, снимали видеофильм и наслаждались экспромтными концертами пражских музыкантов на Карловом мосту.

В Италии у нас спрашивали, как мы познакомились. В 1997 году было трудно понять, что мы предвосхитили интернет, поэтому была придумана наша версия, которая немного расходилась с реальной. Мы рассказывали, что познакомились в Польше во время одной из моих командировок. Действительно, в 1996 году группа ученых из нашего института выезжала для участия в международной конференции, организованной Институтом Экологии в Варшаве на станции в Миколайках в районе Мазурского Поозерья. Таким образом, местом нашего знакомства была выбрана Польша. В эту командировку я взяла с собой сына. Анализ запада в польской версии 10-летним ребенком был сногсшибательным. Он тут же решил, что в Польше жить лучше. Оказалось, что за недавно разобранной Стеной между Западом и Востоком была абсолютно другая жизнь. Не зря Мать Тереза назвала лучшими профессионалами детей.

Теперь, спустя 20 лет, когда знакомства по интернету давно уже не редкость, мы можем признаться, что на самом деле познакомились через газету «**Seconda mano**» («Вторые руки» по-русски) – я дала объявление и однажды 8 июня 1996 года получила письмо из Италии. Это была авантюра для двух сторон, как для меня, так и для Вальтера. Наше знакомство было полно странных совпадений, как будто сам Господь Бог давал нам в руки эту возможность – совместно строить жизнь. А трудности с родственниками были у нас еще до знакомства.

Когда мы узнали, что в Прагу приезжает **Папа Римский Кароль Войтыла**, то пошутили, что он специально делает визит в связи с нашим приездом. Было удивительно, что охрана у Папы Римского была совсем небольшой, мы видели его очень близко, когда он проезжал в своем прозрачном автомобиле и засняли это на видеофильм. Приезд Папы Римского в Прагу во время нашего там пребывания стал символическим благословением, и когда Вальтер сделал мне предложение, я согласилась. Мы обсудили вопрос о моем сыне. Вальтер не был против усыновить его. Расстались мы очень тепло. Вальтер увез в Италию мое обручальное кольцо.

Вернувшись в Минск, я начала готовить документы, мои и сына, к отъезду, который был назначен на август 1997 года. 6-ти месячный период подготовки документов был одним из самых счастливых в моей жизни, – период ожидания и больших надежд на мое профессиональное будущее.

Настало время рассказать все сыну. Часто уезжая в командировки, я всегда брала его с собой, но последние 2 поездки были инкогнито. Безусловно, он заметил, что каждое утро мне кто-то звонил и мы подолгу говорили по-французски. Я объяснила сыну, что познакомилась с надежным человеком, что мы решили переехать в Милан, где он будет учиться в школе, поэтому нужно начинать учить итальянский язык. Сын воспринял наш разговор серьезно, но язык учить не стал. Теперь каждое утро он первым рвался к телефону, перекидывался английскими словами с Вальтером и потом передавал мне трубку.

Я начала готовить документы – переводы дипломов о начальном образовании сына и моих о среднем, высшем и кандидатский диплом, легализация переводов в Посольстве, в МИДе, в Министерстве Юстиции, очереди, назначения встреч, переводы и заверения моих научных статей, справки о прививках для поступления сына в школу. Документов было много. Родителям я ничего не говорила. Но, думаю, отец почувствовал, что я собираюсь уезжать. С матерью за последние 7 лет у меня сложились плохие отношения.

В Институте наука распадалась, финансирование было минимальным. Специалисты уходили. Кто-то создавал частное предприятие и, как потом оказалось, без особого успеха. Многие уехали в США – биофизики, математики, химики... Я передала полученную тематику по тяжелым металлам коллегам, сохранив все свои материалы и данные, надеясь заниматься наукой и в Италии.

Отъезд

Отъезд был назначен на 31 августа 1997 года, чтобы прибыть вовремя к школе. В начале августа на новой машине Форд Фиеста приехал Вальтер. Он взял большой отпуск – целый месяц. Мы показывали ему Минск, нашу дачу, окрестности. У нас была хорошая 3-х комнатная квартира и дача в 25 км от города с видом на озеро. Мы уезжали на пару дней на дачу, топили печь, слушали квакающих лягушек, гуляли по лесам и полям, фотографировали. Отец был счастлив, глядя на нас. Это было видно по тому, что он постоянно приносил нам то дачную малину прямо с куста, то яблоки, то сливы, то показывал своих пчел. Это было время умиротворения и, казалось, что так должно было быть всегда.

Потом мы сели в поезд и поехали в Москву. Я подумала, раз Вальтер здесь, то почему бы ему не показать столицу? Визы у него не было, и я его попросила молчать и улыбаться, если будет критическая ситуация. Опасения у него явно были – до сих пор Европа видит Россию как страну, в которой угоняют в Сибирь на тяжелые работы. Частично он был в чем-то прав: мой прадед Спиридон, родом из Каунаса, в свое время за революционные настроения был сослан в Сибирь, где потом родилась моя мать.

В Москве жила моя прекрасная подруга Людмила, редкой души человек – она работала администратором в Большом Театре. В театре были каникулы, но мы побывали за кулисами, и я показала Вальтеру интерьер. Мы гуляли по городу, катались на пароходу по Москва-реке и снимали видеофильм. Вечером Людмила кормила нас пирогами, мы пили вино, пели русские песни и были счастливы.

Я воспользовалась случаем и оформила заверение перевода моей кандидатской степени в Посольстве Италии в Москве. Потом мы сели в поезд и поехали в Санкт Петербург. Но предварительно в метро меня обворовала группа цыган – я носила на спине рюкзак и поскольку портмоне там не было, за него не боялась. Но в рюкзаке лежала записная книжка с российскими правами, которую они приняли за кошелек. Самое главное, что в записной книжке был адрес квартиры в Петербурге, где мы должны были остановиться. Приехав в Петербург, решили проблему проживания по памяти и наслаждались экскурсиями по городу, Эрмитажу, царским пригородным дворцам. Санкт Петербург неповторим, и кто хоть раз побывал там, обязательно вернется. Я навестила коллег в Зоологическом Институте, в котором частенько бывала по работе, затем под давлением сына мы надолго застряли в Кунсткамере – этот музей находится рядом с Институтом Зоологии.

Август подходил к концу. Мы вернулись в Минск и начали готовиться к отъезду. Отец был счастлив. Я попросила родителей переписать на меня и сына квартиру, а дачу – на сестру. Мы были уверены в Вальтере, но ехали так далеко, где совсем другие законы, привычки, поэтому хотели иметь надежный тыл в своей стране.

Однако моя мать не захотела ничего делать и оставила все так, как было: дача была и оставалась моей собственностью, а наша квартира была в общей собственности между матерью, отцом, мною и сыном. Мы сердечно простились с отцом и очень сухо с матерью. Даже в момент нашего отъезда она умудрилась дать мне особое «благословение», сказав, что я «приползу к ней на коленях». Я не придавала тогда серьезного значения ее словам, хорошо зная, что она весьма деспотичная и авторитарная особа. Я не могла даже представить себе, что моя мать была способна на отвратительные действия.

Я познакомила Вальтера с коллегами в Институте. Еще была жива моя шафиня, Нина Николаевна Хмелева. Она умерла через 3 года. Зашла в кабинет к Директору – Михаил Михайлович Пикулик был специалистом по амфибиям, занимался лягушками, и весь институт со всех конференций привозил ему всяческие изображения с лягушками, начиная с пивных наклеек.

Объяснила ситуацию. Он все понимал не только потому, что время было тяжелое, он хорошо ко мне относился, как к специалисту, и был рад за меня, оказавшись однако очень предусмотрительным: «Езжай, вот тебе характеристика, жалко терять хорошего специалиста. Когда устроишься и все будет хорошо, пришли мне факс месяца через 3 – тогда я тебя уволю». Я занимала хорошее положение в Институте. Директор понимал, что терять годами заработанное научное положение – тяжело. Всякое в жизни может случиться. У всех научных сотрудников были зарубежные контакты, хотя мы еще практически не выезжали. Нам были известны истории, когда русских женщин за рубежом продавали. Так что мое место сохранялось для меня еще 3 месяца после отъезда.

31 августа 1997 года рано утром мы водрузили наши спортивные велосипеды на спину Форда, попрощались с родителями и отправились в неизвестность. С нами был Вальтер, и мы ему верили. Дорога была дальней – 2'200 км. На ночлег остановились в Варшаве, затем в Германии. Въехав на территорию Германии, мы были привлечены тем, что по радио постоянно произносили имя Дианы. Никто из нас не знал языка, поэтому мы не понимали, что с ней произошло.

Вторая ночевка прошла в Австрии, в горном отеле, плата была высокой, но выхода не было, нужно было где-то отдохнуть. Мы с сыном впервые видели Австрию и впервые ночевали в отеле такого хорошего уровня. Мы поужинали в гостиничной таверне, оформленной с большим искусством, изяществом и профессионализмом, свидетельствующим о величайшем уровне знания своего дела: винные бутылки в погребе хранились под определенным углом, взгляду открывались стеллажи с винами, интерьер был располагающим, а персонал доброжелательным. Нам было непривычно видеть такой уровень после недавно разобранной Стены между Западом и Востоком, за которой была совсем другая жизнь... После ужина мы вышли на улицу, чтобы насладиться горным видом, было уже достаточно темно, яркие звезды горели на темном августовском небе... Я высмотрела Большую Медведицу, Кассиопею. Прямо над головой висел Летний Треугольник, я смотрела на Северный Крест: Лебедь распластал свои крылья по темному звездному небу, на голове у него горела Альфа-Денеб... Так и мы летели по миру в неизвестность... Мы поднялись в номер и стали перебрасываться подушками, это было хорошей разрядкой и признаком хорошего начала.

Когда мы въехали на территорию Италии, то узнали, что в день нашего отъезда в автокатастрофе погибла Принцесса Диана. Нам было очень жаль Принцессу и жаль, что такое грустное событие ознаменовало наш отъезд из Беларуси.

Мы въехали в местечко Новедрате вечером 1 сентября: во дворе дома нас встречала вся родня, все улыбались – три девочки, мать, отец, брат с супругой, сестра Вальтера с мужем и их дочь. Мы чувствовали себя рыбами без воды, поскольку на итальянском языке могли только молчать. Но у нас была возможность улыбаться, и мы улыбались. Был дан большой ужин по поводу нашего приезда. Ничто не предвещало бури.

Итальянский стиль

Осень 1997 года была теплой. После приезда мы «окунулись» в другую жизнь – все было иным, и мы изучали этот новый стиль жизни. Было очень поучительно общаться с тремя разновозрастными девочками для изучения языка, ведь у каждой был свой уровень общения – уровень детского сада, начальной школы и школы последнего уровня. Девочки были спонтанными, играли с нами в мяч во дворе дома, но на улицу их не выпускали.

Я постигала итальянский быт. Мать девочек была учительницей начальных классов и поначалу помогала разбираться с произношением некоторых окончаний в итальянском языке. Я смотрела, как она вела хозяйство. Она была домохозяйкой. Я ее понимала – трое детей, большой дом, однако я знала примеры матерей, которые успевали работать, содержать в порядке дом и заботиться о семье. Некоторые привычки мне не были понятны. Ее жизнь была устроена таким образом: утром она отвозила детей в школу, потом убирала дом, стирала, гладила, готовила обед. Затем забирала детей из школы. Садом она не занималась – вызывали садовника. По моим понятиям, у нее было много свободного времени, а могло быть еще больше, если бы некоторые операции из управления семьей были заменены или упразднены. Так, мне было непонятно, зачем гладить постиранные носки и нижнее белье. Белья было много и эта процедура занимала несколько часов. Поначалу я старательно гладила носки и белье, но вскоре вернулась к прежней, по моему мнению, более интеллигентной схеме – складывать белье без глажки, а свободное время посвящать чтению.

Первое время супруга брата отвозила и моего сына в школу – ее средняя дочь была его ровестницей. В свои 10 лет мой сын был самостоятелен и вскоре начал ездить в школу на автобусе, благо, она была всего в 5 км. Вскорости узкое пространство сада стало ему тесным, он стал выбираться в центр поселка и заводить себе компаньонов для игр. Однако его свободный выход на улицу встретил порицание супруги брата. По ее мнению, нельзя позволять 10-летнему мальчику одному уходить из дома и играть со сверстниками. Запретить это моему сыну означало забыть о его автономности, которой он пользовался в Минске – он сам ездил на трамвае в школу, сам на автобусе ездил на дачу, которая находилась в 25 км. Я предпочла не посягать на его автономность, только потребовала соблюдения времени на прогулки и на учебу. Однако моя самостоятельность в воспитании сына вызвала недовольство супруги брата. Складывалось такое впечатление, что этим запретом она хотела держать под контролем не только своих детей, но и моего сына.

Школа

Школа начиналась 15 сентября. Мы стали готовить документы для школы и нашего бракосочетания, которое назначили на 25 октября. Документов было много.

Наступил день, когда мы пришли в школу знакомиться с учителями. Директор представил нам 2-х учителей – Кармела – учитель итальянского языка, а Синьора Майо – учитель английского. Никто из учителей в школе не говорил по-английски, только Синьора Майо. Поскольку сын с 1-го класса в Беларуси учил английский в специализированной школе № 64, то учитель английского часто была переводчиком.

Кармела была южанкой. Мой сын был ее первым иностранным учеником или, как нас здесь называли, из страны ЭКСТРА-ЧЕ (вне территории Европейского Сообщества). Когда мы пришли в школу знакомиться с Кармелой, в ее темных глазах я, еще не зная итальянского, читала опасение, отчаяние и одни вопросы... Уже потом она мне объяснила, что не знала, как поступать с моим сыном... Позже, когда мы стали друзьями, когда на нас навалились все беды Италии вместе взятые...

В целом, Кармела была настроена очень позитивно и по ее лицу было видно, что даже если что-то пойдет не так, она сделает все, чтобы это исправить. Я смотрела ей в глаза и понимала, что она действительно сделает все, что сможет, и даже более. Я всегда допускала, что жизнь в чужой стране может иметь вовсе не позитивный оборот и заручиться поддержкой стоящих людей всегда разумно. Когда Кармела начала говорить, я была заворожена ее голосом. Она не говорила, она пела. Голос ее был низким, глубоким, томным, он лился как спонтанный джаз, она не думала долго, когда беседовала, это свидетельствовало о том, что говорила она сердцем.

Речь ее была богата сравнениями очень опытного и выдавшего виды преподавателя. Когда она обращалась к кому-то, то всегда смотрела в глаза. Впоследствии Кармела стала одной из моих лучших итальянских подруг, которая в значительной степени помогла сохранению нашей семьи.

Помимо моего сына ЭКСТРА-ЧЕ, в классе у Кармелы было несколько учеников-инвалидов – в Италии эти дети учатся вместе со всеми. Было непросто, но Кармела была высококлассным преподавателем и прекрасно преодолела проблемы, связанные с образованием моего ребенка. Но первое, что он и его товарищи по классу постигли друг у друга, как я потом узнала, – было изучение матерных слов на обоих языках.

Сын пошел в 5-й класс начальной школы (в Италии начальное образование длится 5 лет, в Беларуси – 4 года), начав повторять программу последнего года начальной белорусской школы, которая была уже ему известна. Зная уже пройденный материал, ему было легче освоить новый язык. Я понимала, что ему трудно. Мы были двумя пловцами, заброшенными посреди океана, и каждый из нас пытался добраться до своего берега. Сын пытался добраться до своего весьма оригинально, хитростью: в школе он говорил, что «у него очень строгая мать, которая заставляет его делать много упражнений дома». Дома он говорил, что «у него очень строгие учителя, которые заставляют его делать много упражнений в школе». Очень быстро я раскрыла эти хитрости и начала беседовать с учителями.

В основном я беседовала с Кармелой – она была воспитателем в классе. Для своего первого иностранного ученика она разработала план работы, получив одобрение от директора, нажимая на изучение итальянского языка. У детей образное мышление. Когда я смотрела на тетрадки сына, то видела множество цветных картинок с изображением предметов – так ребенок лучше запоминал и со скоростью увеличивал языковой запас.

Он учился быстро, слушал «ушами» – самый проверенный метод для впитывания информации. Он был приучен этому методу, когда, будучи маленьким, слушал, как зачарованный,

пластинки с русскими сказками. Через 3 месяца он уже мог объясняться с учителями и товарищами по классу без помощи учительницы английского языка.

Первые годы мы часто ездили в Минск. Я поддерживала хорошие отношения с директором специализированной школы, где раньше учился сын, брала книги на русском языке по школьной программе в Беларуси. Через год я их возвращала. Пытаясь сравнить две школьные программы, русскую и итальянскую, я беседовала с некоторыми учителями. С учителем математики пришлось разговаривать много раз и несколько лет. После первого разговора учитель информировала меня, что «с учебкой сына все в порядке», однако в конце года выставила ему оценку «удовлетворительно». На следующий год я вновь часто беседовала с ней и каждый раз она уверяла меня, что «с учебкой сына все в порядке». Но в конце года вновь ставила ему «удовлетворительно». Так мы поняли, что с учителем математики сыну явно не повезло.

Сын пошел в последний класс начальной школы, а я записалась на курсы итальянского языка при местной школе в ожидании подачи документов на признание моего диплома и степени кандидата наук при Миланском Университете.

Курс итальянского

Курсы вели 2 преподавателя – Луиза и Гастон. Гастон был учителем по профессии, Луиза заканчивала факультет юриспруденции и подрабатывала в школе, преподавая итальянский язык для иностранцев. У нее был лаконичный, очень конкретный и системный стиль преподавания, поэтому я сразу переключилась в ее группу. В школе были ученики всех национальностей, весьма смешанного образования и культурного уровня. 80% составляли китайцы. Учеба им давалась с трудом, вероятно, по причине другого алфавита. В школе обучались также чилийцы, испанцы, аргентинцы, одна финка, выходцы из Сенегала, Марокко. Из русских в тот год только я. До этого у меня было мало общения с иностранной культурой, только в письмах с моими научными иностранными коллегами.

В группе ученых не было. Я долго не раскрывала свое происхождение, пока Луиза меня не «вычислила». Мне было все интересно. Все было так необычно. Мы учили времена, грамматику, каждый рассказывал о своей стране. Я старалась особо не касаться работы, в группе народ был простого происхождения и моя научная деятельность была бы им вряд ли понятна. Однажды на уроке женщина по имени Зара, родом из Марокко, как только смогла связать несколько слов по-итальянски, начала меня спрашивать: «Тебе твой муж разрешает одной ходить по делам, например, к подругам?» Я ответила, что конечно разрешает. «А он разрешает тебе водить машину?». В тот период я еще ходила на повторные курсы вождения, поскольку, как оказалось, белорусские водительские права в Италии не признавались. Зара была одета по мусульманским обычаям, голова покрыта. Она очень удивилась, когда я ей рассказала, что открыла свой счет в банке, как это делали многие женщины в Беларуси. Для меня же стало открытием, что традиции и культурная дистанция с мусульманскими женщинами были огромными.

Свадьба

Приближался день нашей свадьбы. Наконец он настал. Все было готово – мы купили скромный костюм голубого цвета для меня с расчетом использовать его не один раз в жизни, устояв от настойчивых советов супруги брата купить шикарное свадебное платье стоимостью в несколько тысяч.

Осенний день 25 октября выдался теплым и солнечным. По итальянской традиции невесту на регистрацию должен сопровождать отец. Мой отец находился далеко и был болен. Поэтому меня сопровождал знакомый семейства Тино – седой мужчина лет 70.

Перед нами шла младшая дочь брата, которая несла в руках набивную кружевную подушечку в форме сердца, сшитую мною к церемонии. На подушечке лежали 2 кольца. Моим было то самое, купленное в Праге. В зале муниципалитета собрались самые близкие родственники – брат с супругой и детьми, мать с отцом, сестра с мужем. Мэр, молодой человек по имени Серафино, минут 15 зачитывал нам наши права и обязанности. Я мало что понимала. В зале было очень жарко и меня начал морить сон. Взглянув на Вальтера, я увидела, что и он закрывал глаза от духоты. Мы потихоньку “похихикали” глазами, слушая речь мэра.

В зале царил напряженная тишина. Наконец нам дали знак расписаться, и мы обменялись кольцами. Все начали выходить из зала – дома был приготовлен небольшой фуршет – торт и шампанское. Церемония была скромной и ничто не предвещало неожиданностей.

Но вдруг, как только мы появились в дверях мэрии, на наши головы посыпался рис – это итальянская традиция – так поздравляют новоявленных мужа и жену. Осыпали нас рисом прибывшие на бракосочетание коллеги Вальтера по работе в компьютерной компании «БУЛЬ»: Рик с супругой Моникой, Альдо с Франческой, Паоло с супругой и Сирена. Их приезд оживил нашу скромную церемонию – мы нафотографировались все вместе в парке мэрии и я, тоже по итальянскому обычаю, метнула свадебный букет с прицелом в Сирену. Она поймала его. «Отлично», – подумала я. Теперь была ее очередь выходить замуж.

Нам всем стало весело – у Вальтера были отличные коллеги – и мы все вместе дружно двинулись к дому, чтобы отметить наше бракосочетание. На 2-м этаже был накрыт стол, на котором стоял огромный многоэтажный торт. Я начала резать и выдавать всем по кусочку, затем мы наполнили бокалы шампанским и громко зазвонили ими. Нам было очень приятно появление коллег Вальтера, поскольку в зале чувствовалась какая-то напряженность и натянутость. Было заметно, что семья брата неохотно участвовала в нашем торжестве. Это почувствовали и коллеги, поэтому минут через 30 тепло распрощались с нами, оставив Вальтеру конверт.

Оставшись одни, мы распечатали конверт – там было оплаченное коллегами 3-х дневное путешествие в Венецию с проживанием в 4-х звездочном отеле «Малибран». Это путешествие стало единственным подарком ко дню нашей свадьбы. Но мы были счастливы.

2. Реставрация Органа

15 сентября 2012–1-я Пуническая война. Руководство по уничтожению – Признание дипломов – Приезд моей матери. Письмо адвоката – 2-я Пуническая война, финансовая – “Демократическая” улица имени Кеннеди

15 сентября 2012

15 сентября 2012 года, предпоследний день недельного отпуска был проведен в машине – 160 км туда и 160 обратно – в город Турин – забрать и привезти в Новедрате монахиню Сантину и ее коллегу. Выехав в 8:30, через 2 часа мы были уже в Турине. 10 минут, чтобы «пробраться» среди прилавков марокканского рынка и вот мы в Коттоленго. Монахини уже готовы – небольшие дорожные сумки запакованы и рядом стоят на столе. Приветственные поцелуи, объятия при встрече, краткий разговор «как дела» – прошло полгода с нашей последней встречи.

Поднимаемся на 2-й этаж выпить кофе – в столовой все готово к обеду монахов. Столы составлены буквой П, приборов человек на 40. Пью кофе и как обычно беглым взглядом осматриваю разложенную литературу, что-то подбираю. Монахини, уже зная мою пристрастность просматривать все подряд, предлагают мне несколько журналов. Видим их нетерпение – у них тоже отпуск, хотя и небольшой, всего неделя, грузим сумки в машину и отправляемся в обратный путь.

Монахиня Сантина – это сестра отчима моего мужа, Вальтера. Ей 84. Сколько я ее знаю, а знаю уже лет 15, она не меняется. Небольшого роста, в черной монашеской униформе, на груди – большой крест на цепочке. Из-под черной шапочки выглядывают седые, аккуратно уложенные волосы. Из-под очков глядят большие, темные, добрые, всегда немного удивленные глаза. Иногда Сантина напоминает мне маленькую девочку, которой просто много лет. Каждый раз при нашем приезде она дарит нам что-то, сделанное своими руками – то ли кружево на стол, то ли кухонные прихватки, выполненные крючком. В этот раз мы получили в подарок прихватки и решили приберечь их для нашего нового дома.

Мы выехали с расчетом приехать в Новедрате к обеду, к 13 часам.

Стояла середина сентября. Надо же какое совпадение – именно 15 сентября, 37 лет назад, меня приняли в Лабораторию Гидробиологии...

Утром прохладно, а днем, когда солнце прогревает воздух, становится опять жарко. Сантина не любит холод, у нее всегда мерзнут руки. Она не участвует в разговоре, и мы видим, что тепло в машине ее разморило, она придремала. Ее коллега монахиня намного моложе, ей лет 50, она на административной работе и это чувствуется по разговору – независимая художавая женщина с четкими суждениями.

Вот мы и в Новедрате. Отвозим коллегу Сантины к ее родственникам и подъезжаем к Вилле брата по улице Кеннеди. Перина, мать мужа, уже в нетерпении – 13 часов, а мы еще не за столом. Рассаживаемся за стол. На первое – спагетти с мясным рагу, на второе – курица с салатом и помидорами. Перина – отличная кухарка. Мы проголодались с дороги и быстро уплетаем обед. Вижу, что глаза Сантины светятся радостью – она счастлива провести неделю отпуска вместе с Периной, вдовой ее брата.

Несколько раз обед прерывается хождениями рабочих и брата Вальтера. 2-й этаж переделывают, идут работы по перестановке кухни, ванной и спальни – мать Вальтера перемещают в 1-комнатные апартаменты. Закончив обед, мы прощаемся и направляемся домой. Перед уходом Перина просит нас на следующий день, в воскресенье, подъехать к Чезарине, сестре Вальтера и племяннице Сантины, куда они приглашены на обед.

В воскресенье в церкви Святого Теодора города Канту, где я пела в хоре, во время службы отмечали открытие отреставрированного органа XVI века и первый раз наш хоровой коллектив в составе 40 человек разместился на балконе вокруг органа. Свежие белые цветы по бокам балюстрады украшали балкончик, окрашенный пастельным зеленоватым цветом. Обычно мы пели за алтарем, а в этот раз впервые слушали службу лицом к алтарю и на возвышении. Это было странно – мы чувствовали себя на возвышении не только потому, что действительно раз-

мещались выше всех метров на 10, но нас «возвышала» сама важность мероприятия – инаугурация отреставрированного старинного органа XVI века в церкви Святого Теодора города Канту.

Служба закончилась в 12:30, бегом домой – обед на скорую руку. Выезжаем в Чезарине, захватив фотоаппарат, чтобы сделать несколько «семейных фото в интерьере» и вновь успеть в церковь Святого Теодора к 16 часам на концерт органиста Маурицио Манчино, посвященный открытию отреставрированного органа. Звоним. Нас не ожидали так рано. Обед уже закончен. Перешли к десерту. Предлагают фрукты и кофе, мы соглашаемся. Перина просит сделать ей портрет и смотрит на меня большими глазами, намекая на «фото в последний путь». Шутим, что она нам еще нужна в этой жизни, и это действительно так. За 15 лет я сильно к ней привязалась. Делаю семейные фото. Потом пробные фото для Перины – в комнате мало света, надо бы сделать фото с особой лампой, но ее нет, на балконе света слишком много. Меняю ракурсы, комнаты, фон, ищу подходящий свет, наконец делаю серию фотоснимков.

Перина – простая женщина крестьянского происхождения с начальным образованием. Потерять в автомобильной аварии мужа в 37 лет, остаться одной с двумя детьми 7 и 9 лет, без работы и средств к существованию. Выдержать 3-х летний судебный процесс по привлечению к ответственности владельца мотоцикла, сбившего насмерть ее 1-го мужа. Найти силы создать вторую семью, расширить ее и вырастить дочь второго мужа, у которого при родах умерла жена, оставив дочь 7 лет без матери. Это Чезарина – сводная сестра Вальтера.

Я никогда не беседовала с Периной на научные темы.

Похоже, мы понимали друг друга без слов.

1-я Пуническая война. Руководство по уничтожению

26 октября 1997 года, когда по улице Кеннеди, на следующее утро после нашей свадьбы, началась «1-я Пуническая война» с нами, Перина молчала. Мы проснулись в 6 утра от скандала на 1-м этаже, где проживала семья брата: крики, грохот, плач детей, хлопанье машинных дверей – наконец все стихло. Машина уехала. Детей увезли к матери. Причину мы так и не узнали. Возможно, Перина молчала потому, что, выйдя второй раз замуж, нашлись родственники, которые посмели назвать ее «женщиной легкого поведения». Возможно ли такое в цивилизованной стране, которой считается Италия?

Возможно ли такое в маленькой религиозной деревушке, в которой все исправно ходят в церковь и просят прощения за свершенные грехи? Или они просят об их прощении, чтобы выйдя из церкви вновь их совершать? Ведь можно опять попросить об их отпущении...

Возможно ли, что в христианской среде, претендующей на одну из самых справедливых религий в мире, сформировалось столь реакционное средневековое видение повторного брака? Тем более, когда речь не шла о модной в голливудском стиле смене партнера, а о выживании трех маленьких детей, оставшихся с одним родителем. Я знала историю жизни Перины еще до замужества с Вальтером и уже преклоняла перед ней колени. Знала, что именно Перина благословила своего младшего сына на путешествие за 2'200 км в далекий город Минск на встречу со мной. Я понимала, почему молчала Перина. Тем более непонятным, пугающим и отталкивающим было поведение семьи старшего брата, ведь он тоже был маленьким мальчиком, когда погиб его отец. Было ли его поведение стратегией борьбы за Виллу, когда, чтобы ликвидировать конкурента, его достаточно попросту облить грязью?

Так, на 2-й день после свадьбы, нам была объявлена война. Я назвала эту войну «Пунической», хотя в римской истории этот термин имеет другое значение. В нашем случае термин «пуническая» ассоциировался с глаголом «punire» – «**карать**».

Через несколько дней супруга брата с детьми вернулись в дом и начались запреты.

Война состояла в том, чтобы запрещать нам все и в любой форме. Нам запретили пользоваться туалетом и ванной после 20 часов и до 7 утра, мотивируя это тем, что на 1-м этаже слышался шум воды. Мне, родом с «**дикого востока**», «страны третьего мира», пришлось с ужасом знакомиться с методами «**дикого запада**». На «диком востоке» подобные методы мне были неизвестны.

Затем «Пуническая война» расширила свой фронт вплоть до абсурда. Любые наши вещи в ванной бросали на пол, на кухне – в мусорку.

«Расходуете много газа».

«Расходуете много электричества».

«Много воды», – говорили нам. Мы вынуждены были принимать ванну 1 раз в неделю, друг после друга. Когда мы шли спать, все двери открывались настежь и звук телевизора усиливали. В нашей спальне разрешали держать температуру не выше **13°C**, поэтому мы называли ее «комнатой пингвинов». Когда звонили друзья сына или его учителя, нас не звали к телефону, а им отвечали грубо. Потом сыну запретили играть в саду и закрыли все помещения общего пользования на ключ.

Муж в 6 утра уезжал на службу.

Дома мы собирались только вечером. Было очевидно, что Вальтеру очень не нравилось давящее поведение супруги брата, но мы старались не говорить на эту негативную тему. Это однако не было новостью – в том же контексте она вела себя и с первой женой Вальтера, которая была итальянкой.

Несколько месяцев нам удавалось сохранять хорошие отношения с родителями Вальтера, предвидя, что трудности могут появиться – мы были вынуждены проживать все вместе на 2-м

этаже, где была одна кухня. Мы боялись доставить проблемы родителям. Они были на пенсии, и мы хорошо понимали, что не могли диктовать наши условия, нужно было мирно уживаться всем вместе. Это было вполне возможно, чтобы 5 человек мирно жили на площади 120 м².

Между тем все чаще слышался недовольный голос супруги брата, когда она говорила с матерью Вальтера. И наши отношения с его родителями начали портиться. Контроль был тоталитарный. Приказы исходили с 1-го этажа, и весь 2-й этаж, родители и мы, должны были быть в подчинении.

Начались проблемы с приготовлением пищи. Каждое наше появление на кухне вызывало скандалы – отчим Вальтера уже был настроен против нас.

Родители повышали голос и тут же с 1-го этажа прибегала «скорая помощь», супруга брата, «спасать родителей». Нам стоило большого труда выдерживать цивилизованное поведение, и в ответ на крики и обзывания улыбаться и спокойно здороваться с ними. В течение недели мы только ночевали в доме. В выходные было тяжелее выдержать отвратительный психологический климат на Вилле, и мы куда-нибудь уезжали. Часто проводили выходные в зоопарке Ле Корнелле возле Бергамо. Кушали, где придется, и наслаждались миролюбивым животным миром зоопарка, где жирафы с удивленными глазами играли друг с другом, мудрые слоны дружелюбно протягивали хобот в поисках чего-нибудь вкусенького, обезьяны резвились на ветках – животный мир жил своей мирной жизнью и казался нам намного мудрее жителей Виллы на «демократической» улице Кеннеди.

В этот период времени муж написал письмо моим родителям. В некотором смысле он извинялся перед ними за весь тот обструкционизм, который устроили нам его родственники.

В сущности, я подумывала вернуться в Минск, у нас была 3-х комнатная квартира и дача в 25 км от города, мало оплачиваемая, но любимая работа, которую директор института, будучи наслышан о жестоких судьбах русских соотечественниц за рубежом, обещал сохранять в течение 3-х месяцев после моего отъезда.

Мне было досадно, что мой сын, который учился в Минске в одной из лучших английских специализированных школ, терял год обучения. Мой ребенок вырос в сердечной обстановке. Ни я, ни он не ожидали встретить в этой маленькой деревушке столько зла и ненависти.

Жестоко было оценено 10-летним мальчиком поведение семьи брата.

Однажды осенним вечером мы стояли с ним на балконе, смотрели на звездное небо и разговаривали.

«Как ты думаешь, что мы должны делать?», – спросила я сына. – Ты знаешь, что в Минске у нас 3-х комнатная квартира и дача. Вопрос школы мы решим. Я готова уехать обратно», – сказала я.

И сын ответил мне следующее: «Как же мы оставим Вальтера на растерзание этим волкам?»

Я поговорила с Вальтером – он должен был принять решение, я не хотела, чтобы он из-за меня потерял все.

Однажды осенним вечером мы с Вальтером стояли на балконе, смотрели на звездное небо и разговаривали.

«Как ты думаешь, что мы должны делать?», – спросила я. – Цена нашей свадьбы слишком велика. Они хотят лишиться тебя дома. И они не хотят знать ни обо мне, ни о моем сыне. Мы готовы уехать обратно. Решай. Я готова уехать – не хочу, чтобы ты из-за меня лишился своего дома».

Вальтер решил так: раз его родственники второй раз поставили его перед выбором – ОНИ или ЕГО ЖЕНА, он выбрал нас, свою семью. У него уже был похожий опыт с родственниками и 1-й супругой, итальянкой по происхождению. К счастью, у нас было полное взаимопонимание.

Отъезд отменялся и мы решили бороться на нашу семью.

Сын понимал нашу ситуацию, но ничего мне не говорил. Но однажды, уезжая в школу, сказал: «Мамочка, мне очень жаль, что ты вынуждена находиться в этом доме весь день, я-то в школе...»

Я посещала курсы итальянского, но не каждый день, и была вынуждена переносить поведение жителей дома. Тогда я записалась в библиотеку, куда ходила читать книги.

На курсах языка заметили мое грустное лицо, часто заплаканное. Я понимала, что было странно видеть такое резкое изменение – от счастливого лица невесты к изнуренному домашними проблемами. Я не привыкла рассказывать о своих проблемах, обычно решая их сама.

Однако нам нужна была помощь и когда Луиза спросила, что со мной происходит, я рассказала ей о ситуации в доме. Выслушав меня, она, со свойственным только сильным адвокатам резким видением ситуации, спросила:

«Твой муж на твоей стороне или на стороне супруги брата?»

Такой оборот событий даже не приходил мне в голову – иначе я бы не вышла замуж. Так я узнала, что похожие ситуации нетерпимости к иностранцам, в борьбе за недвижимость, не были здесь редкостью. Луиза была одной из тех немногих итальянцев, кто помог нашей семье благополучно выйти из этой неприятной ситуации. Через год она сдала государственный экзамен, став адвокатом, открыла свое бюро и мы на долгие годы сохранили с ней и ее семьей дружеские отношения.

Оказалось, что «лицо», на котором написаны все трудности жизни, было и у сына, поскольку однажды меня вызвала в школу его учительница. Кармела начала разговор со мной издалека – спрашивала обо мне, о моей семье, профессии. Мне нечего было скрывать, и я рассказала Кармеле, что у меня звание кандидата наук по биологии (Ph.D.), что я 23 года проработала в исследовательской лаборатории в Академии Наук, училась и работала с 17 лет, что моя мать заслуженный и известный тележурналист, бывший главный редактор редакции для детей и юношества Белорусского Государственного Телевидения, что мой отец историк.

После моего рассказа Кармела поведала, что сын очень обеспокоен домашним климатом, который создавался на Вилле. Я узнала, что он поделился с учительницей некоторыми «новыми» и непонятными ему концепциями. Так, 11-летний ребенок не мог понять, почему его мать, научного сотрудника, кандидата наук, в «Кошкином Доме» называли «проституткой». Мой сын ни разу не обмолвился со мной об этом, он молча перенес наше проживание в течение 1 года и 3-х месяцев в этой циничной обстановке. Думаю, и для него этот опыт расизма и неоправданной жестокости был в новинку.

Через несколько лет, когда мы уже жили в мирной и здоровой обстановке, он поделился со мной, сказав: «Знаешь, мама, мне кажется, что мы прожили 1 год и 3 месяца в концлагере».

После того, что я узнала из рассказа учительницы, мы не могли более оставаться в этом доме и начали готовить план ухода. Однако сразу не могли уйти и снять жилье – у Вальтера была обычная зарплата офисного служащего. Мы хотели уйти, как только сможем. Мы перенесли и другое спланированное событие – рождение дочери. Из наших растоптанных планов осталось только имя.

Чтобы немного сдраматизировать нашу ситуацию во время более, чем годового проживания на Вилле, мы ассоциировали ее название с русской пьесой известного и очень любимого в России поэта для детей Самуила Маршака. В главных ролях выступают различные животные, пьеса учит детей быть справедливыми. Мы были в роли котят.

Котята

Тётя, тётя кошка,
Выгляни в окошко!
Есть хотят котята.
Ты живёшь богато.
Обогрей нас, кошка,

Покорми немножко!¹

Затем «доброжелатели» принялись за кошку Вальтера, чудесную белую породистую персидскую кошку по имени Фата Моргана. Злоба обитателей «**Кошкиного Дома**» обернулась и против нее. Моргане вдруг запретили входить в дом и били ее шваброй. В этой «фашистской истории» было странным видеть «молчание ягнят», детей брата, которые раньше играли с кошкой, а когда для мохнатой белой охотницы настали тяжелые времена, с жестокостью обходили ее. Бедной Фате было не понять, почему настроение обитателей огромной Виллы вдруг мутировало и ей приходилось зимой жить на улице. В конце концов Моргана заболела пневмонией, потеряла брюшную шерсть, и я колола ей антибиотики. Чтобы спасти кошке жизнь, мы отдали ее хорошей знакомой Вальтера Мэри в Милане. У Морганы появился друг по имени Вик, они подружились и даже вместе воровали сосиски из хозяйского холодильника.

Затем детям запретили с нами разговаривать. Было грустно наблюдать, как младшая 6-летняя девочка проходила мимо и не отвечала на наши приветствия.

Жизнь в «Кошкином Доме» становилась все более напряженной. Психологический климат был настолько невыносимым, что мы не могли ни жить, ни учиться, ни работать, а об отдыхе и говорить не приходилось. Нужно было уходить, чтобы сохранить здоровье. Уходить – означало, что я должна найти работу.

Началась зима 1998. Пошли дожди. Все труднее стало коротать время вне дома. Но у нас появилось много друзей, и мы часто ходили в гости. Однажды мы вернулись домой под дождем и обнаружили, что электрические ворота не открываются. Вальтер зашел к брату узнать, как войти в дом, но он ответил, что изменил код. Вальтер позвонил мужу Чезарины, который был электриком, спросив у него код ворот, но ответ был, что он изменил код по просьбе брата. Это означало, что мы не должны были входить в дом. Шел сильный дождь. Мы все же вошли в дом, поскольку он принадлежал также и Вальтеру. Это была открытая война с нами.

---

¹ Маршак Самуил. Стихи-пьеса «Кошкин дом», 1958.

Признание дипломов

В Италии в 1997 году я сразу связалась с итальянскими членами **Международной Организации Бризоологов (ИВА)**, будучи с 1988 года членом этой организации, стала членом **Итальянского Экологического Общества (S.It.E.)** и подала документы на признание университетского диплома и диплома **Ph.D.** на **факультет Биологии Миланского Университета**, подготовив еще в Минске заверенные переводы моих документов об образовании – диплом средней школы, университетский диплом, диплом Ph.D. по Биологии, научные статьи и резюме диссертации. Ректор факультета Биологии в Милане Профессор Сирони говорил о возможности работы как «профессор по контракту».

С момента, когда я защитила диссертацию, Ph.D. по Биологии, уже прошло 7 лет. Это достаточно большой период времени, но я надеялась быстро соригенироваться. В мои планы входило признание дипломов. Этот процесс в Университете в Милане занимал почти год, и я ожидала решение комиссии. Мне очень нужна была поддержка как моего мужа, так и его родственников. Вальтер мне много помогал. К сожалению, мы не могли рассчитывать на помощь его родственников, а наоборот, они чинили нам всевозможные препятствия.

Ожидая решение комиссии по признанию дипломов, я связалась с исследователями из Университетов в Милане, Катании, Павие, Тренто, Генуе, Болонье, которые знали меня по моим научным работам, и организовала встречи с Профессорами Биологии Марио Котта Рамузино в Милане, с Анной Оккипинти в Павие, с Директором Института Гидробиологии в Палланце Профессором Де Бернардис. Надо сказать, что коллеги-биологи уже в **1998 году** предупредили меня, что в Италии ситуация **с экологией** и в частности с биологическими науками была **«совсем не розовой»**.

Мне уже было 40 и нужно было действовать быстро. У меня было не так много времени.

Начали приходить письма «Профессору Михаевич» и это вызвало еще один прилив злости 1-го этажа.

Тем временем пришло решение из Миланского Университета о признании моего диплома. Мне признавали **3-летний краткий диплом**, не приняв во внимание научные статьи и степень кандидата наук, «поскольку не было соглашения между странами». Чтобы получить краткий диплом о 3-х летнем университетском образовании, мне необходимо было посещать в течение 1 года лабораторные занятия по физике. Почему по физике в то время мне было трудно понять, моей специализацией была экология, а не физика, тем более наш университет преподавал физику в нескольких смежных направлениях: физика, оптическая физика, физика коллоидов и биофизика. Посещение лабораторных занятий по физике в течение 1 года означало еще год без работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.